

А порой эти встречи проходили за городом, у кого-то на даче и тогда обстановка оживлялась еще больше: шашлык, приготовленный на костре во дворе, пение под гитару (в исполнении бессменного славного секретаря кафедры Ирины Владимировны Воронцовой) и другая «экзотика». Сохранились фотографии, запечатлевшие различные сцены – живая летопись кафедры. Это тот цемент, который скрепляет людей не меньше, чем профессиональное общение.

Но мы собираемся не только по радостным поводам. Иногда приходится провожать кого-то на пенсию, а порой и провожать совсем, прощаться

навек... И здесь проявляются те самые черты Александра Сергеевича, о которых я писала выше: с какой заботой, как тактично он поддерживает родственников ушедших от нас коллег, помогает им – словом и делом. Тогда возникает живое ощущение, что мы – единая семья, и это так ценно! Как я попыталась выразить это чувство в одном из юбилейных стихотворных поздравлений:

*Но главное, что все мы вместе –
Консерваторский славный род,
Совсем особенный народ!*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бобровский Александр Викторович, ныне профессор Московской консерватории по классу альта.

² Говоря об А. С. Соколове, я невольно сбиваюсь на рассказ о Викторе Петровиче. Это естественно: сам Александр Сергеевич неоднократно признавался в том, какую роль в те годы играл для него наш дом, люди,

которые у нас бывали (и конечно, в первую очередь, сам Виктор Петрович). Например, в одной дарственной надписи: «...со светлым чувством воспоминаний о круге Виктора Петровича – в ту пору таком монолитном и духовно окрыленном...»

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ У КАФЕДРАЛЬНОГО РУЛЯ

Марина КАРАСЕВА (Россия)

«Многие из нас родились в прошлом веке, а некоторые даже в первой его половине», — как-то раз, лукаво усмехнувшись, сказал наш завкафедрой на очередной кафедральной неформальной «тусовке». Глядишь на самого Александра Сергеевича, вспоминаешь многочисленные (неугасающие) народные восклицания в стиле: «Ах, какой красивый у вас ректор / министр» — и понимаешь, что эта его фраза и поныне звучит... не так чтобы кокетливо, но все же... чуть «понтово». Хотя, в определенном смысле, всем нам из числа профессорско-преподавательского состава, при хорошем «звездном раскладе», уготован постепенный переход в кафедральные патриархи, по крайней мере, в сознании молодежи (о пенсионном отдыхе консерваторские педагоги, как известно, чаще всего и не помышляют). Так что, пожалуй, патриархом можно уже назвать и самого АС.

АС (раскрою мелкий производственный секрет) — это аббревиатурное именование нашего ректора, которое ныне частенько используется сотрудниками консерватории¹ в рабочей имейл-переписке. Тут понимай как хочешь: то ли официальное «Александр Соколов», а может, уважительное «Александр Сергеевич», ну, или просто констатационное — «АС». Вне зависимости от скандинавской космогонии. Мне оно нравится, потому что я позволю себе использовать этот «никнейм» в своем дальнейшем повествовании, тем более что сам Александр Сергеевич Соколов об этой своей именной аббревиатуре давно осведомлен.

Заведующим кафедрой теории музыки АС стал пятнадцать лет назад, осенью 1996 года, сменив на этом

посту уходящего с него (по причине возрастного лимит-фактора — достижения семидесятилетия) Е. В. Назайкинского. Событию тому предшествовали типичные для общественного кафедрального темперамента того времени (и шире — «диалектического» темперамента всей страны) «лагерные» споры на манер того, «кто с кем и против кого дружит». Помню, как еще весной того года в коридоре второго корпуса консерватории одна из многоуважаемых кафедральных дам «отловила» меня, еще молодого «педагога в законе» (то есть штатника), пытаюсь внушить, что приход Соколова в кафедральную власть не сулит никому ничего хорошего. (Я, правда, так и не поняла с ее слов, что именно могло произойти при таком исходе дел). Сама я была тогда достаточно (и принципиально) далека от внутрикафедральных «разборок», кроме того, «страшного Соколова» я почти не знала, так как по анализу музыкальных произведений училась у другой бригады аналитиков. Иногда, присутствуя на заседаниях кафедры, я видела, как АС, время от времени покидая свой проректорский кабинет, заходил к нам посреди заседания в девятый класс — посидеть-послушать. А также, наверно, присмотреться. Так и присматривались: он к нам, мы к нему. Над всем этим, казалось, повисла некая появленческая интрига — немного сродни оперно-лоэнгриновской.

Опасения у членов кафедры, как я сейчас понимаю, могли быть, прежде всего, связаны с тем, что АС должен был явиться нам в образе заведующего кафедрой как бы *нисходя*, а именно: с ректоратских верхов (одно- временно сохраняя за собой должность проректора по

Кафедра теории музыки Московской консерватории.
2001.

научной работе). Неудивительно, что в этом случае у некоторых коллег мог включиться десятилетиями выработавшийся национальный рефлекс (неизжитый в масштабе страны и сегодня): бояться и пафосно не любить своих начальников.

Определенным опасениям могло способствовать и то «отягчающее обстоятельство», что ранее, в восьмидесятые годы АС занимал пост секретаря партбюро консерватории. Консерваторский партком располагался в огромном кабинете (там, где сегодня находится Научно-исследовательский центр музыкально-информационных технологий, именуемый в народе по старинке — ВЦ²). Мне, как и многим другим студентам, почему-то всегда хотелось обойти этот кабинет стороной. Нет, не в связи с чем-либо, а просто так, на всякий случай. Это еще был период, когда от одного слова *парторг* в душе стабильно возникал континентальный перепад температур³. Те мои консерваторские коллеги, которые были ближе к деятельности парткома, рассказывали потом мне, что на самом деле жизнь там текла очень даже живо и весело. Возможно, просто я, как и остальные *сторонние*, реагировала, прежде всего, на Символ Власти. И символ тот вызывал устойчивую аллергическую реакцию. Из песни слов не выкинешь: такое было время, и неоднозначность его стоит учитывать хотя бы логически — тому, кто сегодня лишь читает про него.

И все же «инаугурационный день» настал (если мой тогдашний еженедельник-планнер не ошибается, это было 13 сентября). Не знаю, как другие мои коллеги, но я тот день запомнила очень хорошо: то был день снесения стереотипов. Очередное заседание кафедры было почему-то назначено в помещении того самого ВЦ, который оказался наследником парткомовского класса. По какой-то причине опоздав на начало заседания, я осторожно проникла в дверь и, первым делом, получила в руки... пластиковый бокал с шампанским. Чествовали Евгения Владимировича Назайкинского, поздравляя его с семидесятилетним юбилеем, а он, в свою очередь, торжественно передавал бразды правления нашему новому «хозяину» — своему бывшему ученику. Тот, в свою очередь, непринужденно рассказывал какие-то милые истории из жизни самого Евгения Владимировича, причем истории эти никаким образом не были связаны с теорией музыки.

Шампанское в консерватории? На заседании кафедры, где испокон веков все было только официально-чинно и, в соответствии с неписаными протоколами времени, даже несколько церемонно? В том помещении, где, по еще неугасшим воспоминаниям большинства из присутствующих, некогда располагалось *То самое*? Все это укладывалось в моей голове с трудом. Уже позже я поняла, что АС тогда как заправский психотехнолог просто-напросто решил устроить всем нам «переекорение пространства», создавая и закрепляя новые позитивные сенсорные якоря на старых объектах. А ведь, ни дать ни взять — классическое НЛП⁴ «и никакого мошенства»!

С этого времени, можно сказать, настала на кафедре иная жизнь. «Переекорение» коснулось всей структуры нашего кафедрального общения. Так, постепенно повелось коллективно отмечать юбилейные даты членов кафедры. Отмечать не просто вручением букета цветов и прообразом «бронзовой лошади», а

теми же веселыми посиделками, полустихийно создаваемыми после самих научных заседаний. Не упустили, как правило, возможности отмечать и разного рода общероссийские праздники. А иногда просто без всякой красной даты календаря вырывались «на пленэр», коим служили дачи некоторых членов кафедры. Там АС был уже ответственным лицом за доведение до нужной кондиции шашлыка, а мы все занимались подготовкой овощей и фруктов к их должному употреблению в качестве закуски. А еще гуляли в лесу и играли в бадминтон. С АС, правда, играть было не особо интересно — по причине полной предсказуемости финала: как ты не прыгай, он все равно загасит воланчик с высоты своего роста, да еще с такой силой, что отбиться невозможно. А в поддавки играть он как-то не догадывался...

Во второй половине 90-х годов у меня появилась возможность фиксировать все эти наши веселые кафедральные мероприятия не только на фотопленке, но и с помощью видеокамеры. Так, мало-помалу сформировался тот видеоархив, который, на сегодняшний день, думается, уже представляет значительную историко-культурную ценность, поскольку содержит множество артистических выступлений, творческих придумок и просто интереснейших рассказов наших ведущих музыковедов (многие из них, к великому сожалению, остались теперь только в нашей памяти и в кадре...).

Иногда, собираясь вместе, мы с коллегами смотрим фотографии и видеотреклеты записей прошедших лет. На этих кадрах видно, в том числе, и то, как преобразались члены кафедры, постепенно выползая из «чешуи чопорных теоретиков» (каковыми их «по умолчанию» привыкли считать окружающие): вот они, отмечая наступление очередного Нового или Старого нового года, уже сочиняют поппури, импровизируют на рояле, играют на гитаре, расппевают легкомысленные романсы, устраивают капустники, декламируют стихи собственного сочинения, поют хором и танцуют до упаду.

В этих неформальных встречах мы не только узнавали друг друга лучше — создавалось то, что можно назвать внутрикафедральным единством. Постепенно будто бы сами собой прекратились межличностные конфликты, которыми в прежние времена наша кафедра славилась на всю консерваторию и даже за ее пределами. Научные дискуссии и споры остались — а

«клановые» «идеологические» междоусобицы ушли. Думаю, кстати, что произошло это не только благодаря грамотному руководству кафедрой: тогда уже, считай, утекали остатки той эпохи, которая продуцировала конфликтность в качестве ценностного *смысла* жизни («кто не с нами — тот против нас») и провоцировала умных и интеллигентных людей на поддержание противостояния как *образа* жизни.

Если сегодня посмотреть на выстроенную АС стратегию развития кафедральных взаимоотношений с позиций теории управления коммуникацией, то видно, что составные части этой

стратегии во многом схожи с методами социализации путем проведения в современных компаниях так называемых корпоративных вечеров. С той разницей, что в наших кафедральных сборищах, пожалуй, отсутствовал фактор «бизнес-целеполагания». Как-то само собой получалось так, что мы собирались именно тогда, когда в том ощущалась некая коллективная потребность.

Были в наших сборищах, конечно, и свои энергетические пики. Один из них пришелся на празднование 8 марта, совпавшее в 2001 году с избранием АС на должность ректора (в период его первого ректорства). Радость кафедры была огромной: мы собрались в «святая святых», в помещении ректората и устроили там новоизбранному ректору концерт-капустник. Чего только стоили тогда Вариации на тему «Чижика-пыжика», сыгранные и пропетые Юрием Николаевичем Холоповым!

Когда ровно через три года, в марте 2004 года АС стал главой Минкультуры, кафедра, конечно, также устроила своему руководителю приветственную творческую встречу. Правда, в ее тональности тогда прослушивался небольшой диссонанс: в СМИ тогда активно звучали предположения о том, что новый министр, скорее всего, покинет свои посты в консерватории. Останется ли АС «нашим человеком», или его насовсем засосет в себя чиновничья «воронка»? Что будет с руководством кафедрой? Вопросов этих никто вслух не задавал, но их можно было легко считать даже в шуточных стихах, сочиненных по сему случаю членами кафедры.

Оглядываясь сейчас назад, можно сказать, что то огромное физическое и моральное напряжение, которое испытывал АС, находясь на государственном посту (в тех пост-реформенных финансовых условиях, при которых от самого министерства зависело не столь много, сколь от него привычно ожидали), в большой мере передавалось и кафедре. Наши «корпоративы» периодически возобновлялись при наступлении очередного юбилея, однако время их посещения у АС было обычно урезанным, а необходимость очередного срочного отбытия на «мероприятие в Кремль» хоть и с пониманием, но все же достаточно болезненно, с оттенком своего рода ревности, воспринималась тогда окружающими. Праздновать что-либо без АС мало кому хотелось. Делить его с Кремлем — еще меньше. Постепенно интрига стала и вовсе не «лоэнгриновской»: по своему эллиптическому гармоническому напряжению она начинала быть все более похожей на «тристановскую». Для самого же АС, по его словам, попадание

Кафедра теории музыки Московской консерватории. 2011.

в то время, хотя бы и урывками, на наши кафедральные посиделки, было «как глоток живой воды».

Так, почти «безысходно» жалея и АС, и себя, мы провели все эти трудные для нас «министерские» годы. Надо ли говорить, что его возвращение на пост ректора в 2009 году было воспринято кафедрой с огромным облегчением и радостью! С того момента и поныне все на кафедре продолжается в тех же самых традициях (а они за полтора десятка лет стали уже именно традициями), которые были заложены АС еще в середине 90-х годов.

К таким традициям надо отнести и сформированные АС модели отношения на кафедре к молодежи. Еще в конце 90-х годов я на себе смогла оценить некоторые их особенности.

Приветствуя разного рода пилотные проекты и начинания своих подопечных, АС, в частности, активно поддержал меня в моем стремлении пройти длительную стажировку в Московском центре НЛП в образовании и получить соответствующие сертификаты, а потом сам, заинтересовавшись современными психотехнологиями, пригласил меня в свою научную команду, разрабатывавшую эту тематику в рамках гранта РГНФ⁵. АС также помог мне организовать и провести в стенах консерватории разработанный мною музыкально-психологический тренинг⁶. В то же самое время, АС ответил отказом на мое обращение к нему с просьбой стать моим научным консультантом (в работе над докторской диссертацией на тему психотехники развития музыкального слуха), пояснив, что консультант мне уже не нужен, и что я совершенно очевидно разберусь со своей темой без чьей-либо дополнительной помощи. Я тогда смогла сполна оценить красоту и благородство его отказа: ведь ни для кого не секрет, что в научном сообществе чаще происходит обратное — именитый профессор с удовольствием готов поставить свою фамилию в качестве руководителя почти законченной работы или в качестве соавтора молодого коллеги, сделавшего то или иное научное открытие.

Сейчас у нас на кафедре много молодежи, значительно больше, чем было раньше. Молодость в нашем вузе, правда, всегда была понятием достаточно условным: к молодым педагогам у нас обычно относятся, прежде всего, тех, кого можно было бы назвать «thirty-эйджеры». По законам вузовской педагогики, они — еще начинающие (таковы суровые реалии методики преподавания: опыт, как ни пляши, накапливается с годами). Тем не менее, тридцатилетним на кафедре теории доверяется не только участие в спецкурсах в

качестве ассистентов (и «тьюторов» по индивидуальным занятиям), но также — все более и более — ведение собственных курсов, в том числе и специализированных групповых занятий. При этом, как несложно догадаться, происходит естественная проверка молодых педагогов «на прочность»: на инициативность и способность не только «фонтанировать идеями», но и самостоятельно реализовывать их.

Московская консерватория — коллектив долгожителей. Думаю, что это само по себе не случайно (творческие профессии часто позволяют их обладателям дольше оставаться молодыми душой), а в рамках кафедры теории музыки еще в немалой степени является результатом той политики, которая неизменно проводится по отношению к профессорам почтенного возраста. Сверхуважительное отношение к ним можно смело назвать одной из характерных черт АС как руководителя. Думается, дело тут не только в естественном проявлении интеллигентности: сам АС воспитывался в семье своего деда, то есть с самого детства он постоянно общался людьми, находящимися от него «через поколение». В этом смысле, особо бережное внимание АС к «осеннему возрасту» на кафедре можно считать и проявлением личного импринта. За свежими примерами далеко ходить не надо: на сегодняшние кафедральные сборища, к нашей общей радости, продолжает приходить Андрей Николаевич Мясоедов, который (и это редкий случай в консерватории!) решил сам, по прошествии своего восьмидесятилетнего юбилея, отойти от педагогической практики в МГК. Он и сейчас, по приглашению АС, с удовольствием принимает участие в ряде методических инициатив кафедры.

Одной из обязанностей заведующего кафедрой является прочтение всех научных и методических материалов, представляемых кем-либо из членов кафедры, аспирантов, соискателей, а также внешних претендентов на прикрепление к ней. В соответствии с правилами обсуждения работ, тексты должны быть предоставлены рецензентам для прочтения заблаговременно. Я не раз становилась свидетелем того, как некоторые соискатели, полагая, что у такого занятого человека, как наш завкафедрой, вряд ли найдется реальное время просмотреть их работу, старались подать ее в самый последний момент. Возможно, не без умысла: полагая, что обсуждение может пройти и на «авось». И просчитывались. Иногда с суммарным результатом не-прикрепления к кафедре ввиду недостаточно высокого уровня научной работы или

не-рекомендации ее к защите. Всегда оказывалось, что каким-то образом (возможно, читая по диагонали) АС успевал представленную ему работу просмотреть, «отжать» из нее самое главное и высказать по ней ключевые замечания. Думаю, тому в большой мере способствовал не только его личный аналитический потенциал, но также длительная работа на руководящих постах, в суровых условиях, когда «времени нет и уже не будет».

Сегодня «человек, родившийся в конце первой половины прошлого века», может и впрямь слегка поиронизировать на эту тему: складывается впечатление, что он не слишком озабочен тем, чтобы, не дай бог, не показаться кому-то непродвинуто-несовременным. АС не пишет / не читает посты в социальных сетях, он достаточно равнодушен к последним моделям «навороченных» девайсов, вполне довольствуясь своим айфоном, посредством которого он может при необходимости поддерживать оперативную почтовую связь. Вообще, довольно трудно представить АС специально «встраивающимся» куда-то. В этом смысле, он живет несколько внутренне обособленно. Возможно, тоже вследствие инстинкта самосохранения в жестких условиях выживания в постоянном цейтноте?

Если спросить у членов нашей кафедры, какие личные качества АС они бы выделили, то среди наиболее часто используемых прилагательных наверняка бы прозвучали: компетентный, выдержанный, обаятельный, иронически-колкий, самоироничный, добросердечный, упрямый, властно-грозно-львиный⁷, представительный, серьезный, отстраненный, радушный, по-мальчишески задорный и нецеремонный. Если спросить меня — я бы, согласившись со всем перечисленным (АС действительно может восприниматься очень по-разному в разных контекстах⁸) и найдя еще что добавить⁹, озвучила бы маркированно слово *надежный*. Понятие надежности, так же как и сама вера в его существование, встречается сегодня, кажется, не так часто, как хотелось бы. Я сама крайне редко, говоря о человеческих отношениях, позволяю себе пользоваться словами типа «всегда», «неизменно» — все может меняться: люди, события, контексты... Могут вдруг возникнуть и увидеться какие-то новые грани в осмыслении прожитого. И никогда не знаешь, что именно тебе придется переосмысливать по мере своего собственного непрекращающегося взросления. И все же — в этом случае я рискну сказать именно так: надежный по жизни. Ну, а жизнь покажет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Признаюсь, с моей подачи: как советнику ректора мне приходится постоянно курировать ряд областей консерваторской деятельности, так или иначе связанных с фигурой ректора и упоминать его имя во внутренней деловой переписке.

² Вычислительный центр.

³ И это, между прочим, при всем том, что я сама была отнюдь не выключенной из общественной структуры тогдашней жизни: в мерзляковском училище я была секретарем ВЛКСМ теоретического отделения, а в консерватории — комсоргом курса.

⁴ НЛП (нейро-лингвистическое программирование) — область практической психологии, получившая распространение в России с середины 90-х годов XX века.

⁵ 1997-1999 — Грант Российского гуманитарного научного фонда. Тема научного проекта: «Психотехнология музыкальной деятельности».

⁶ Двухмесячный (108 ч.) тренинг «Моделирование артистического мастерства» 1998. Одними из участников, тренинга были, в частности, нынешние преподаватели консерватории Екатерина Сонкина (Гриненко) и Анна Соколова.

⁷ АС по знаку Зодиака — августовский лев (08.08.1949).

⁸ Вероятно, поэтому вокруг него, как правило, достаточно мало нейтрально относящихся к нему людей.

⁹ Например, жестко пресекающий всякие проявления истероидности манипулятивного свойства (а ее, как известно, в любом творческом, и особенно женском, коллективе, сыщется немало).